

УДК 82–14
ББК 84-5
3 55

Земцов, Сергей
3 55 Определение счастья [Приложение к
петербургскому литературному журналу “МОСТ”]
/ Сергей Земцов. – СПб.: Век искусства, 2015. –
76 с.

Лучшие стихи разных лет, выбранные самим
автором

ISSN 1991-7023

УДК 82–14
ББК 84-5

ISSN 1991-7023

© Сергей Земцов

Для отзывов и пожеланий автору: szemtsovhome@gmail.com

Издательство «Век искусства»: e-vi@list.ru
Подписано в печать 11.03.2015
Формат 145х200. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4. Тираж 100.
Типография «Турусел» г.Санкт-Петербург

Сергей Земцов

Определение счастья

**Санкт-Петербург
2015**

My mother was of the sky
My father was of the earth
But I am of the universe
And you know what it's worth

Beatles, Yer Blues

Определение счастья

Ночью комета влетела в окно.
И, падая, хвостатый сбросив шлейф,
Газа благородного сладкий кейф,
Врезалась в самое глазное дно.
И я вдруг сразу стал смелым
Как галактический гость.
И бросилсяутром белым
Как пес за костью

Искать определение счастья.

Корни диких цветов оплели мой внутренний мир,
Вывернутыйперед телескопом наизнанку.
Мой внутренний мир - смотрите - как в тире,
Где за попадание платят по звонку.
Звонок за меткий выстрел -
Это стимул к преодолению стресса.
Я свободно читаю чужие мысли
Как текущую прессу.
Я ищу на свой вопрос ответ.
Я голодный и бездомный пес.
Куда пропала хвостатая комета?
Почему в глазах моих не осталось слез?

Удар

Что-то шибануло оттуда,
Из-за закрытых дверей.
Всю ночь много снов,
Как взрывы, как цветы,
Перед глазами
Пронзительно остро
Манили, звали
За грань,
Туда...

Утром тревожная смесь
Возникших из мрака
Станных чувств,
Как напалм, как яд,
Мешала жить, как раньше.
Что-то случилось,
Изменилось,
Стало чужим всё
Здесьнее...

Сразу захотелось мне
Вспомнить то, что
Было тогда,
Нездешнее,
Что было
Назад тысячи лет.

Привидение в белом
Со знакомым лицом
Зовёт туда, где
Неизвестность
За Млечным путём
Или в Австралию,
Где добывают нефть
В центральной
Пустыне...

На магнитном полюсе

На магнитном полюсе
стрелка компаса
закружилась вокруг оси,
смеясь от радости.

Здесь можно забыть
тайну истинного направления,
и не отвечать
на вопросы...

Здесь есть шанс отказаться
от суеты и тревоги,
чтобы подняться к Богу...

Здесь есть возможность открыть
шлюзы любви и экстаза
в сердце своем...

Это - пение радостных песен,
очищающих ум
от безумного повторенья,
зараженных логикой
заклинаний...

Где мне найти
"полюс магнитный"
для предвечной
души своей?..

Знает душа закон святой

Знает душа закон святой,
Что Свет всегда побеждает мрак.
Нужно успеть в жизни земной
Сделать единственно правильный шаг.

Ясно вижу разрушенный мир,
Обломки высотных домов,
Лес, в который нельзя убежать,
Собак и военный отряд.

Знаю, что мне далеко не уйти,
И лучше лечь и спокойно уснуть.
Маме счастливой родное дитя
Пока не поздно, нужно вернуть.

Детства кристаллы

Я так хочу,
Чтобы отверзлась
Моя память,
И вниз упал
Звездный купол.
И в этой пропасти
Звезды летели,
Ударяясь о
Древние скалы -
Сколы юности
Тонко звенели,
Задевая за
Детства кристаллы.

Шлак

Головная боль плещет через край.
Я не хочу быть злым:
Но я не выношу гадость.
Я знаю: не существует рай,
Не бывает праздным
Ощущение радости.

Душевный мрак
темен.
Остывает
шлак в нем.

Сидя в цивилизованной глуши,
Под допингом умеренных возлияний
Сочиняют учейшие мужи
Трактаты о формах душевных излияний.

Они набили руку...
Долой их науку!

Сидя по горло в дерьме,
Делая вид, что им сухо там,
Развлекаются игрой в буриме
Авторы культурных программ.

Они расплодились густо...

Долой их искусство!

Голос духа ясно слышу:
«Внутренним огнем
Воспламенись, прошу,
И сияй так день за днем!»

Вулканический пепел моих сигарет

Вулканический пепел моих сигарет
Переполнит консервную банку.
Я ваш софизм проглочу как приманку
И к сатане попаду на обед.

Буду корчиться ханжески туго,
Составляя списки грехов
От доносов на лучшего друга
И до кражи мясных потрохов.

Груз культурных ценностей тяжело
Давит на заветный журнал,
Где обнаженная женская ляжка
Как корабля тяжелый штурвал.

Руки не мыв, вкушал я жаркое,
Перед этим вылив ведро
Антисоветских словесных помоев
На советское добро.

Покаяние будет фальшиво.
Сам я рассеяно вдаль посмотрю
Туда, где когда-то мальчиком хилым
Я, пионер, ковырял ноздрю.

Крест

Сквозь плоскости
Разорванных иллюзий
Мне духи древних стран
Свой доверяют ключ.

И бисер глаз
Преследует мой сон,
Где новый свет
Открыт для нас,
Где лишних нет
Свидетелей
Расставленных ловушек,

Где призраки забытых гор
Мне открывают путь.
И сквозь кошмары прошлых лет
Ко мне вернется
Смытый след
Моих недетских развлечений.

Я прикоснусь рукой
К теплу камней
Давно погасшего вулкана
И, может быть, усну
С сознанием
Исполненного долга.

И мне приснится сон,
Приснится странный мир,
Где власть и вера
Образуют комплекс,
Невиданный доселе...

И в этом мире
Я - охотник
За теми, кто противится
Самим себе.

Я расщепляю
Утлые умы
На факторы
Доступные
Контролю,
И провожу резекцию
Остатков воли.

И мне подруга - Ева,
Узнавшая впервые
Запретный плод.

Мы с ней вдвоем
Беседуем о боге,
Который нас простил.

И смысл всех наших дел
Лишь в наркотическом веселье,
Рассчитанном на бесконечность.

И наш отец небесный
Нам гарантировал
Устойчивость
Душевного покоя.

Но радость и тревога,
Нарастая,
Мне мешают
Чувствовать
Себя счастливым..

Я понимаю,
Что могу
В любой момент проснуться,
И просыпаюсь...
Пораженный
Яркостью видений
И тусклым обликом
Убогого ночлега.

Я буду жить, как раньше,
И должен умереть,
Жующий жвачку серых дней,
Простейший человек,
Амеба коллективных мифов,
И этот сон не повторится.

Но полная луна
Сквозь плоскости
Стеклянных стен
С надеждой освещает
Уголок, где я живу.

И ясный свет луны
Мне открывает смысл
Утраченных иллюзий.

Как детскую игру
Я вспоминаю мир,
В котором страх
Мне кажется
Утраченным рефлексом,
Ненужной болью..

Кого же должен я
Благодарить
За этот мир?

И где то благо,
Что он примет?

И может быть, к нему
Меня способны пропустить
Земные горы,
В страну разбуженного сердца,
Где все движения души
Естественны и безупречны,
А жизнь и сон
Есть грани
Вечной истины
Бессмертных духов.

И что за тайну
Означает
Символ
Крест?

Пепел

В другой поверить трудно мне удел,
И дорогим воспоминаньем пепел
Продолжает оставаться.
Мне трудно разобраться
В сложных чувствах
К тому, что существует
В земных пределах.
Веревка, бритва, яд,
Другие
Атрибуты ада,
Живые
Спутники веселья,
Как женщины
В постели.
Миры иные
Освещает солнце ли?
Я так люблю
Дожди и грозы,
Но русские березы
Не люблю,
Предпочитая хвойные породы.
И красоте учиться у природы
Я не хотел бы.
А у людей?
Но люди ненадежны.
Среди живых довольно сложно
Найти достойного гуру.
И тяжелей,
Чем следовать священному обряду,
Христу молиться в одиночку.
И я бываю рад,
Когда картины мастеров
Мне снятся, навевая строчки
Нездешних слов...

Но, иногда,
Мне сотворенный мир,
Почти что кажется шедевром.
А навсегда забыться
Без сновидений сном?
Поэтому боюсь я смерти.
И глубину своей тревоги
Измерить не могу.
Языческие боги,
Распните нового слугу
Небесного отца,
И пусть страдает
Вместе с этим нашим миром
До самого его конца!
И снова вижу рядом
Стекло, пластмассу, сталь,
Другие атрибуты ада,
Которые мне жаль,
И обладать
Которыми мне предстоит.
А также будут женщины,
Цветы и дети,
И буду нужен я друзьям,
Но за кусочек истинного рая,
Где жизнь совсем иная,
Я родину и все на свете
Предам.
Осознавая грех свой новый,
Из строчек тку узор причудливый
Как паучок ничтожный
И не могу согреться.
Я думаю, что теплый пепел мой
Останется с землей
Вертеться.

Среди осколков христианской любви

Среди осколков христианской любви
Бродит человек-волк.
Никак не возьмет в толк,
Зачем повсюду костры разожгли.

Среди руин философских систем,
Придуманных им,
Хватило бы места всем
И добрым и злым.

Человек-волк на своем посту,
Среди боевых хищных дружин,
Верит горящему кусту
И, как всегда, живет один.

Он торгует и словом и делом,
И для них он всего лишь вор,
Пойманный на границе между черным и белым,
И ему приготовлен ими очищающий костер.

Кто-то откажется верить,
Что человек-волк этот я.
Но память не умирает,
И у меня, как у всех вас, была семья.

И мне ни к чему другое,
Простое личное счастье.
Я играю своей душой,
Как играете вы карточной мастью.

Этот образ обобщите
С высоты ваших светлых кухонь
В нажитых башнях панельных.

Вы увидите
Смутный огонь
В мирах беспредельных.

Алхимик

Дух, свинец, вещь в себе
Подвержены трансмутации.
Полет ястреба в небе
Требует моей интерпретации.

Ученый народ, иллюминаты
Вытеснили Слово Живое.
Жонглеры, акробаты.
Все какое-то не Святое.

Рациональное содержание.
Личинок метаморфозы.
Откровение и одержание.
Сердце, слезы, даже березы.

Царский колокол
Не слышен в пустыне.
Сыт охотничий сокол.
Он меня кормил доныне.

На развилке дорог
Вдруг стало ясно,
Что Душа и Бог
Живут согласно.

Снова Путь мне в Ад.
Прощай, сестра.
Прости, мой брат.
Посидим у костра.

Транквилизатор

сирена пожарной машины
утром в 8.20
сдаться сдаться сдаться
без уважительной причины

этот кровавый марш
американской пехоты
человеческий фарш
разрядка рвоты

на Марсе флаг NASA
черные кости и черная кожа
ложь ложьложьложьложьложь
жертва бизнес класса

авторская песня
партизанская басня
пенитенциарная машина
игрушка героина

клапан сломался
мусор в сердце застрял
генерал устал пропал
на фронте не появлялся

сирена амбуланса
ночью в 3.15
остановите музыку
и нерусские танцы

От Неаполя и до Турина

Я некрофил, я жертва,
Крыса бихивеоризма.
Я зомби, я в аду
Запрограммированная машина.
Я болен, как поэт Микита Гоголь.
Без своей отчизны.
Я тоже сосчитал,
Катаясь в дилижансах
От Неаполя и до Турина,
Своих домашних мертвецов.

Лирические комментарии
Назначив Богу,
Я, сам-то, сжег
Пока немного.
И при слабеющей цензуре
Оплачиваю самиздат в сетях,
В которых счетчики уже иные.
Ну, может быть, идет дороже
У них за твердый переплет.
Зато вампиры как живые.

Chichen Itza

Озабоченность
Платонической
Любовью и

Наличие ипотеки
Танцам не помеха
На дискотеке и

Стрельбе из лука
Для смеха,
Если бы не разлука.

И Кастанеда что-то писал,
Что мескалин достал.
Гинзбург рубаха
Воспоминания Кероуака.

Да пошла она прахом
Обнаженная маха.
Впрочем мы, натуралы,
Разочтя депансы,
Зацепив с перчиком сало,
Споем хором наши романсы.

Откормленный кот
Пускай смотрит
Мне в рот.
Понимает что-то и
Систематически врет.
На Кармен де плаза
Не отводил я глаз
От буржуазной проказы.

Итака

Сегодня воскресение,
Или нет, ночь еще, суббота.
Восстанавливая кровообращение,
Мозг начинает работу.

Горение чувства.
Тренинг снов.
Попытка искусства.
Говорение слов.

Мысли сортируют законы,
А правила хорошего тона
Запрещают темы
Пуль и патронов.

На плантациях сонного мака
Изучая реакции жителей
Города Итака.

Который мне ближе
Иерусалима и Парижа,
Но в рейтингах ниже.

Мои физические раны

Мои физические раны
локально кажутся большими,
мои локальные проблемы
мне кажутся почти святыми.

Мои душевные нарывы,
по мерке общества, ничтожны,
и все духовные порывы –
мои – почти что невозможны.

Твои красивые застёжки
штаны поддерживают прочно,
твои кудрявые подружки
рассчитывают встречу точно.

Твои застенчивые детки
наследуют твои пороки,
и наблюдаешь ты, как в клетке
сидят безумные пророки.

Твои блестящие застёжки
штаны удерживают крепко
твои раскрученные дети
по цели бьют на редкость метко.

Твои компьютерные игры
запрограммированы точно,
и все твои слоны и тигры
свой знают корм обильный, сочный.

Сходство

Мы с тобой очень похожи: трупов груды нам не нужны.
Я хочу всего того же, что и хочешь, милая, ты...
Когда гости уходят, остается досада и злость.
Скоро опять в моду войдут башни из слоновой кости.

Я не могу эту жизнь разлюбить.
Многого мне не удастся забыть.

Каждый раз мне говорят,
Что я злобно брызжу ядом:
Критикуя все подряд,
Задохнусь своим же смрадом.

Кто же здесь мне даст совет,
Как мне жить в двуногом стаде,
Может быть, десятки лет,
Оставаясь верным себе.

Так. Опять прорвался яд,
Что ж, запри меня в серпентарий...
И никогда не выпускай меня назад
В стадо этих современных грязных парий...

Остроухий брат

Мне мил мой остроухий брат,
И мил мне друг луноголовый.
И всякий мне бывает рад,
И закаляет дух здоровый.

Когда жениться я не смог,
Они мне заменяли ласки.
Молочный кушал я творог
И иногда им строил глазки.

Товарищ В.Л.К.С.М.
Давно уж стал хорошим шведом.
Я тоже колбасы поем,
Животик свой накрою пледом.

Мой дядя скажет - ты еврей,
И мог бы жить как все евреи.
Но этот дядя - сам злодей,
Ему как раз петля на шею.

Побыть со мной совсем не смог
Тот, для кого мой голос сладок,
И кошке я отдам пирог.
Мой серый друг жирен и гладок.

Алый цветок

Алый цветок,
Близкая катастрофа,
Черное звездное небо,
Капли воды на горящем лице.
Кажется, что,
Это случилось только вчера.
Но может быть, есть
Продолжение этого мира земного?
И вкус этой пищи,
Цвет твоих глаз,
Запах весны
Станут вечными спутниками
Странствий моих.

По правилам, которые придуманы не мной

по правилам, которые
придуманы не мною,
а может быть, дождем,
моей игры с тобой вдвоем,

я жду уже давно, когда же
нас станет, наконец-то, трое,

но, невозможно абсолютно точно
предсказать со звездных островов
опасного удара направление,

и я обязан отказаться от тревоги, чтобы
как можно достовернее предвидеть старт,
и обороны местные установить ресурсы
в критической для всей моей стратегии
позиции
моста, соединяющего наши
разбитые сердца целесообразностью
военного поста, и логикой железной
плана,

в угоду настроению негоже
под ночным дождем
рыдать, а то, похоже,
не почувствовать с восходом
солнца радости прощенного
греха, и можно превратиться
в жертву жалкую магнитного
тумана.

Когти слов недостаточно цепки

Когти слов недостаточно цепки,
Чтобы схватить новое чувство.
Крючья понятий не могут поймать
Отблеск пламени вечной души.
Ум не способен вычислить схемы
Необходимых железных поступков.
И в результате отсутствия силы
Счастье как вспышка молнии гаснет.
Все, во что остается нам верить -
Это то, что тревожные грозы
Богом будут посланы снова
Столько раз, сколько нам нужно,
Чтобы продлить воспоминанье
О невозможном и нереальном,
Но существующем на земле.

Соприкасаясь с великою тайной,
Зная, что тайна так велика,
Что невозможно за ней обнаружить
Правила определенной игры,
Что сделать с собой человеку?
Рот зажимая своею рукой,
Сжаться в мертвый от страха комок,
Взгляд направляя в далекое небо...
Гордый дух и волю к свободе
Бросить на чашу весов...
Больно расстаться с любимым
И вольно жить одному...

Когда нельзя отличить
Реальность от вымысла,
Знак магический получая
От кого-то, кто хочет,
Чтоб оставался ты жить,
Шанс остается
Тоже кого-то любить.
Сердце разбитое хочет прийти
В царство сильное, сад безмятежный.
Если свобода требует смерти,
Пусть умирают те, кто не могут
Жить ожиданием встречи случайной.

Размышляя спокойно

Размышляя спокойно о той,
Кто стоит за моим левым плечом,
Я понимаю, что знает она,
Что станет мне необходима.

Часто видел я,
Как кто-то в свой последний час
Говорил о ней или
Молча шел, уже не глядя на нас,
Тех, кто еще не дожил
До встречи с ней в самый последний раз.

Острый страх пронзает душу мою,
Когда я смотрю назад в прошлое,
Понимая, что рискую
Унести с собой в ад жалобы и болезни,
Мелкие мысли и мелкое зло,
Ненужных друзей и ненужные песни,
Чтобы все, что случилось по воле моей,
Снилось бы в новых кошмарах,
В новых свободных мирах, о которых
Я никогда ничего не узнаю,
Пока она не откроет мне дверь.

И я хочу верить,
Что памяти буду лишен,
И космический фильтр,
Очищая кармический сор,
Будет силой неведомой управляем.

И то, что мне самому в этой жизни своей
Невозможно понять, отделить и забыть,
Посчитать за иллюзию,
Заключая в магический круг
Прикосновения нежных рук,
Семена и ростки бескорыстной любви,
В молитвах горячих обращение к богу,
Смерть примет в дверях,
Обращая в печальный мой прах
Лишь тревогу.

Я - змея

Я - змея
Я - закрыт

Но нарушит твой быт
Воля моя

Твой защитный кокон
Твой каменный сон
Нарушит мой взгляд
И мой слабый стон

Ты попробуешь спрятать тело
В постельном белье
Но потерянный ключ подберешь на дне
Встанешь и дверь сам откроешь мне

Скомпрессованный день
Закомплексованный спор
Ни о чем и нигде
Не страхнут твою новую лень

Ты захочешь бежать но себя самого не поймешь
Ты возьмешь у меня яд
И домой теперь не пойдешь

Я подбираю отмычки к старым словам
Дуализм превратился в привычку
Объективация - хлам

Мой блюз у тебя отобьет желание лечь в постель
Я знаю зачем живу
Ты - моя цель

Ода Валериану

В тиши бараков
И военных линий
Без дураков
Не обойтись.

РККА утонет
В самогоне.
Река Иртыш
Как мышь.

Там дыню
Ел Валериан.
И помер. Им
Так надо.

А здесь у нас
Торнадо и дерьмо,
Которое кладут
Собачки на газон.

Но Б-г не клининг.
Русских леди не
Унять, хотя утешить,
Вероятно, можно.

Купив велосипед,
Умчусь по кольцевой дороге
На Волгу, в институт.
В последний, блин, запой.

Зеленый человек
Из путанной Рязани
Искусство на века
Везет в вагоне.

И я туда же.
Небоскреб еще не вечность.
В хрущобах не жидаы,
Но человечность.

Обрыв расстроенных
Нервишек лечат,
Кушая сырого осьминога.

Я ем за пятерых,
Но мне не много.

Благонадежность Козерога

Трансглобальность моего злобного эго,
Бизнеса мелкой инфузории,
Практически невозможно доказать строго
В рамках нормальной теории.

Но, когда это пустое отверстие неба,
Звезда с названием Солнце,
Освещает ночью планеты,
Где жить гораздо хуже -
Марс и Луну,
То в отраженном свете
Спесь этого мира
Кажется мелкой игрой
В стиле дзен,
В которой любой человек "наш",
Кто соблюдает мораль,
Слегка нарушая логики плен,
Правил тюремной парашаи,
Способен сам быстро стать Буддой.

И тогда я понимаю, что и я здесь
Не лишний,
Кому-нибудь нужен,
Пригожусь...

Из бездны, черной пустоты,
Из тростника, из камышей
Я появлюсь на поляне лесной
И обнаружу корм и жертву,
И уведу с собой подругу.

И капитал наличный,
Когда вложу его
В реальный бизнес,
Мне даст устойчивую
Прибыль и власть.

Тогда родные и друзья, -
А для кого-то спонсором был я,
А для кого-то только лишь
Дарителем досужих сплетен -

Все станут в круг
У моего торжественного гроба,
В конце моей земной дороги,
Припоминая, может быть, грустя в тревоге,
Кто щедрые излишки
Моих потраченных на них
Материальных средств,
Кто, только лишь,
Мой Знак Зодиака, Козерог.

Но что же вспомнил я,
Про эти звезды,
Хотя земных дел
Хоть отбавляй.

И следуя советам друга атеиста,
Я в церковь запишусь,
Чтобы душа была чиста
И ведала смирение и покой.

Но большую я доблесть
Вижу в том, чтобы
Разнюхать путь к земле,

К материальному подвалу мира,
Набитому лишь фактами
И данными науки,
Таковыми, например, что атом
Можно бесконечно расщеплять на части.

И это радует меня,
Не только тем, что
Этот бедный атом существует,
Но тем еще, что он гниет
Десятки миллиардов лет,
Хотя я сам живу лишь век,
Веселый хищный человек.

И чтобы как-нибудь мне противостоять
Могильным уравнениям,
Живущих миллиарды лет холодных минералов,
Мне предстоит коснуться
И молиться Ей,
Моей единственной Любви.

В условиях иных задач
Пробелов нет,
Чтобы сослаться на фатальную,
Наукой установленную их неразрешимость.
И остается либо быть, либо не быть,
Как только принимаешь
Аксиомы эти всерьез.

А так как на Земле Прекрасное живет,
И дышит негой женских плеч,
Оправленных мехами дорогами,
Охотниками содранными
Со звериных тушек,
То даже скоротечный рак
Не панацея,
И остается жить мне с ними,
Последнюю любовь лелея,
Под знаком Козерога.

Но сколько можно,
Каждый день одно и тоже повторять,
Что Бог и Дьявол, стоя рядом,
Как две продвинутые шлюхи,
Подстерегают каждый час и день,
Мою измученную душу.

Гораздо благородней
Взять стакан,
Наполненный вином Хайяма,
И растянуть реакции химические мозга
На годы кайфа.

А то и рюмочку
С крысиным ядом опрокинуть,
Употребить вовнутрь,
И оказаться там, в холодной яме,
Еще быстрее.

Но я читал про коммунизм,
И я читал про муки ада,
Поскольку научили в детстве раннем
Читать меня.
И прививали в школе
Литературы карму
Словесности инструктора
С партийным оком.

Желая, якобы,
Добра и добродетельной карьеры
Мне, Козерогу.

Все эти буквенные пряди,
Аналитические структуры текста,
Доступные живому человеку
И непонятные машинам,
Проникли в душу глубоко,
Что стало для меня
Похуже героина.

Теперь, запущен
Без права хода вспять,
Как терминальная болезнь,
Псевдопознания процесс.
И эти жернова для порождения
Цепочек слов,
Гуманитарный аппарат - я сам.

И сквозь продукции больного мозга,
Частенько ничего не вижу я,
Не вижу ни Прекрасного земные лики,
Ни звезды новые на небесах.

И я живу как пес, что воет в ясную погоду
На созвездье Гончих Псов,
Либо глаза его слезятся тускло в ядовитом
Земном тумане.

И Бог увидит, может быть, как в этой жизни стало
Плохо все, что он придумал для себя.
И умирать не станет, следуя доктрине Ницше.

Ссылаясь на безликие кармические силы
И на свою библейскую карающую волю
Он дураков корабль бесперспективный
И всех ученых, знание стяжающих себе,
Утопит в океане сущем до начала мира.

Так что удержит в этой жизни
Блаженного в своей свободе воли,
Имеющего бизнес-план иной
В своем пустом кармане, Козерога,
Простого мужика?

Приколы брачного контракта, вряд ли,
И твердая мужская рука,
И твердость каменного жезла другого...

Достаточно адреналина капли
Ввести партнеру в кровь,
Рассчитанным умело жестом,
Как вора, ставшего бандитом, ножом.

Чтобы открылись широко на истину
Глаза, расширенные яркой вспышкой
Света...

Как эта вспышка исчезает,
Так и любовь, и вера, и надежда
Исчезают следом за ней.
И некому мне, Козерогу,
Давать советы...

Да и советы мне давно пора давать себе
Без помощи друзей,
Не устающих никогда от ссор и споров,
В расщелинах сидящих смиренно
Своих волшебных гор.

Мужчин и женщин, всех друзей
Я веселил, смешил и развлекал,
И притворялся изнуренным козлом
И окрыленным мультиинструменталистом,
И право их открыть музей,
Или архив посмертный мой
На траурный и тусклый сбросить cd-rom.

Но я-то знаю то, что
Посещал один глубокие слои сознания,
И знаю то, что память обо мне
Войдет в копилку Высших Иог,
Угодных Богу,
Но только там меня, увы, пока еще
Никто не знает, Козерога.

Смерть Козерога

Внутри моего злобного эго
Уживаются евреи и патриоты.
Почивать изволят в сладкой неге.
Без тревоги, без заботы.

Прошлую жизнь, увы, я не помню.
Десять последних лет были поганы.
Не купишь в супермаркете небесную манну.
И пьешь диетический спирт в углу укромном.

Многообразие локальных цивилизаций
Ставит крест на правилах самоопределения наций.
Какая, к черту, в этой стране революция?
Какая, к дьяволу, еще электрификация?

Я отправляюсь смело
Во внутреннюю
Мою эмиграцию.
Какое вам до этого дело?

Ты Вселенную и Землю любишь,
Деревенщина и темнота.
Я люблю сильно Васю, то бишь,
Моего дорогого сибирского кота.

Нам сообщали, что мир говно.
Бог единый умер давно.
Вождь, фюрер, кормчий
Также издохли в корчах.

На Маньчжурских сопках,
На островах Таити
Карамельные попки
Ждут соития.

Чему учили нас Лао да Мао?
Все пребудет в реке Дао.

Все равно
Для полицейской дубины,
Для проверенной током нежной резины.
А также и козни всех наших врагов,
Изобилия рог, панихида богов.
Вся жизнь есть мистический сена стог.
Примет новый эон,
Расстанется навсегда с этим миром и он,
Тогда, когда придет его срок,
Козерог.

Не прослывешь мессией,
Не прокормишь жену и детей,
Концертируя по России.

Выбрось смычки и гитары.
Плюнь на Христовы отары.
Отправляйся, мой брат, на сбор стеклотары.
Оскалишься веселей, станешь пса лютого злей.

Совершаешь дурные дела,
А слынешь добряком.
И сажа бела,
И фонарь дружит с молотком.

Мир по Платону
Подобен притону.
Голова седа -
Пришла беда.

Яркая смерть Козерогу
Так необходима.
Но перед Богом
Все едино. Все равно.
Все срамно.

Я отличаю грех, вину
От бреда друга наркомана.
А в трудную минуту
Я готов и сам
За помощью податься в собес.

Ведь ясно, бегство в лес
И даже на столичный бульвар,
Противоречит плану
Заповеданному нам.

Ведь главный божий дар
В любви, в терпении состоит
И по Христу, и по Екклесиасту.
Так кто же спорит?
Я, Козерог?
Да я готов валяться
В ногах чиновников
И под ногами нищих,
Лишь бы меня любили самого они.

А что мне этот Иегова,
Который сотворил Адама
И научил его
Себе подобных трахать,
Что трах, то рана.

И если раньше я не звал
На помощь друга терапевта,
Теперь когда Псалом почти допет,
Лесная птица
Властно закричала,
Я соглашусь не торопиться
И принять
Моей любви земную тень
И все другие лица.

И страх последний остановит, может быть,
Мой мрачный и холодный смех
Над вашей хитроумной
Самообороной.

И я уже сейчас боюсь, что бес не спит,
И именно в последний миг
Откроется мой тайный ключ
Слуге постылого ловца.

Хотя мне неизвестны планы князя
По поводу моей души,
Едва ли мне от неизвестности такой
Живется лучше.
И мой инстинкт сильнее меланхолии заразы,
Подстегиваемый хлыстом надежды.

И неужели я напрасно редко посещал
Врачей глухие кабинеты
И актовые залы
Ваших партсобраний?

И неужели все мои стихи
Есть только длительный предсмертный бред
И результат пустых переживаний,
И не поймет никто их, даже ты?

Мое расколотое эго
Стало злее
От ядовитого лекарства
Смеха и страданий.

Мне пляшется веселее
На канате земного царства.

Снайпер

Я - снайпер.
Я воспринимаю мир
Через ночные аппараты,
Усиливающие меткость глаза.
Но я не только убиваю,
Мои идиосинкразии не просты.

И, если бы я не был нужен здесь,
На виражах бы мир не выжил.
Я вас веду к нездешним целям,
К нерукотворному финалу.

Мне жалко слабых,
Я любил когда-то сам.
И что-то, в памяти застряв,
Меня влечет к добру.

О, вы ли это, все мои
Гражданские инстинкты,
Спасаете врага, хотя
Его необходимо уничтожить.

Я ангел смерти,
Но не бессердечный.
Мне, как и всем, дается шанс
Решать, какая церковь лучше нам
Подходит, и у ворот невеста ждет.

Оборотень

Я, сканируя сети, нашел портреты.
Белый налет. Оборотни.
Вчерашних
Газет.

Каким бы то ни был твой бог
В желтом и алом.
Годен твой слог
Только русским журналам.

Ты сохрани, не скорбя,
Боже, фашистский режим.
Я, сканируя жизнь,
Выбил из ряда себя.

Зовите Мигель.
Или просто Пеле.
Продана, продана мне
Жизнь в седле.

Оборотень
Вложит в руки герою
Новую полосатую дрянь.

Оборотень
Флаги заменит
Без грусти.

Анна Иванова

Дона Анна, Анна Иванова.
Радио с морзянкой отбивала в дождь.
Папенька за печкой. В ридикюле деньги.
На заре носила венчики из роз.

Правду, Нюрка, правду Расскажи матросу.
Нету в портсигаре вкусных папирос.
Папенька опух и почернел в колхозе.
Так раздухарился от тяжелых доз.

Дочь Ивана, Анна, муфта с пистолетом.
Красным подсинила шею от ушей.
Отварила травы. Выкопала ямы.
Половину папке, половину мне.

Дона Анна, вспомни! Ты еще свистела.
В поле головой лежала на бревне.
Хлопнула майора. По любви хотела.
И коня в конюшне чистила во сне.

Полкану, собаке, многия победы.
Лекцию, удавку, пианино в холл.
Щурый председатель, Ленин, накартавил.
Фараонов ящик да еврейский сор.

Мне от бога много. Не пеняй, касатка,
Бедному магеру не уйти с поста.
Раздувай кадило. Виноградник сохнет.
Нашему комбату веру во Христа.

Одному
Границы белоснежный лайнер,
А другому
Вовсе угольный сарай.

Здравствуй,
Анна! Горько!
В черной хате танцы.
Пляшут белка, стрелка, юрка и егор.

У испанки розы. У Егорки маки.
Тама летом елка, а зимой кранты.
Это у Колумба корабли и планы.
У еврейки детки. А у Нюрки ты.

Фотофилия

В стране, где царствует фотофилия,
Мне тоже выгорело счастье небольшое.

В Негеве: вспоминать
О холодах и стуже.

В Хардуфе: скушать
Оккультистский ужин.

И в Хайфе мне бахаи рады были.
В Египте женщины особые меня любили.

Я заходил и в Лувр и в Прадо.
Какие только я не получал награды.

У будки мацаля я загорал
На Средиземном море.

Имел я лишь худую саль клиту,
Которую я трижды сорок раз устроил.

Астральный капитан

У лета душного
Миндальные глаза
Пронзительно открыты.
Часовщики – свои колёса,
Ювелиры – золотые цепи
Поднимают.
Хозяин южной жизни
На продажу выкормил
Большого злого крокодила.
Министр в кипе рукою тёплой
Своему народу подписал
Большую жирную мивцу*.
Астральный капитан
Изрядный вкус находит
В тайнах тёмной
Каббалы.
Здесь, в этой маленькой стране,
Легко влюбиться можно
В праздники и вечное
Веселье...
Здесь сумасшедшего Христа
Целует в губы
Всякий умный
Фарисей...
Астральный капитан
Устраивает жизнь.
А также он устраивает
Смерть.

Астральный капитан
Исследует живых.
И, параллельно, капитан
Использует себя.
Когда почти не спит,
Страдает от тоски,
Он знает: мозг разбит
На хрупкие куски.
Две стороны угла
Не он соединил.
Душа его пухла.
И горн его остыл.

Он знает: дух земли,
Скучая, ждёт день краха.
Тяжёлый опыт праха –
Холодные угли.
Астральные бойцы, на некоторые
Посмотрев возможные миры,
С Луны и Марса спешно
Возвращаются домой.
Но дома грустно
Снова делается им,
И взгляда женщин
Бегут...
Спроси у них:
Где мы? И где Иерусалим?
Они глазами
Скажут...

*Мивца – иврит – «мероприятие», в данном случае означает «скидка, или сниженная цена на товар, услуги и т.п.»

Смерть астрального капитана

Астральный капитан
Собрался в дальний путь.
Он в Антарктиде хочет как-нибудь
Жениться на пингвине.

У бога Англии дождливой нет
Для капитана крепости или хотя бы дома,
Но лучше дождь, чем умереть на дне
Сирийско-африканского разлома.

Там черный дух
На Хаг Самеах
Мери Крисмас
Подменил...

Украинский
Репатриант
Святое Сало
Украины Ел...

Там русский оператор
Крепко верил в
Заговор
Евреев...

Там левантийский недруг
Русскоговорящих ортопедов
Мочил таких, как я,
Но приглашал к обеду...

Космические ритмы хороши,
Но времени осталось мало
На все исследования
Души.

Теперь уже не до игрушек
Интернет-портала,
С арабских старых улиц Иерихо
Астральный капитан, с тоской,

Высматривает брешь
Среди утесов, сжавших
Каранталь поганый, сладчайшей
Складкой плавающих континентов.

Там рубщик дров
С черпальщиком воды
Не говорят - почти что ничего.
Но только подло мстят.

Там тень дождя.
Там грустный Соломон
Подглядывал, как жены
Неродные шли в народ.

И ублажали неродных богов,
И древним идолам
Подлейшим образом
Размазывали деревянный рот.

И старый город
Без арабов невозможен,
И без твоих вожатых
Невозможен тоже.

Там вертикальный гонщик
Размышляет - как же -
Наш пикник?
Останемся без урожая?

Там истерическая
Шавка - сионист
На христианскую собаку
Ворчит.

Какая святая игра!
Многомыслие и небылицы.
Все мелькают большие лица
С вечера - до утра.

Вот Индия.
Вот Китай.
Поцелует меня
Цветочный рай.

И я когда-то был новатор,
Ты знаешь, мой учитель Ж.П. Сартр.
И я - как все - любил ходить в театр.
Теперь я просто стар.
И я не знаю,
Сколько же мне лет ?
И сколько лет я жил ?
А сколько - нет.

Там проклятые города
И проклятые короли.
Ведь мы могли,
Но не сказали - да.

Египет

- 1 -

У фараона
Этот тихий день
Помечен иероглифом
В папирусах писца.

Большой Хозяин
Умереть не может просто.
Он позабыл давно своих
Священных псов и птиц.

Теперь он верит,
Более чем всем жрецам,
Таланту каменщика,
Умным инженерам.

Пока еще я ем
Салат из горьких трав,
И в пухлом хлебе винную
Нечистую закваску.

Пока еще моим сиротам,
Я рассказываю только сказки,
Но я обязан праотцам моим
Моей тяжелой древней кровью.

Еврей пока еще не понимает
То, что он еврей.
Огнем пылают
Рубцы плетей.

Кому, скажите мне, мои друзья,
Тщеславия большая пирамида,
Грубый камень,
Помогает жить?

Мой замысел иной.
И план мой нелегко осуществить.
Я научить хочу моих людей
Себя – самих – любить.

- 2 -

Горяч и сух песок пустыни,
Но благодатен Нила плеск.
Его подарки хорошо известны всем.
Все это: наших глаз веселый блеск.
Но тусклая Луна,
Усопших лун веселая подруга,
Сегодня снова не одна
На черном небе злого Юга.
Луна – стара,
Но помнит хорошо
Последнюю кататонию Марса,
Юпитера и Фазтона ссору.

Гермеса, спонсора
Моих египетских торговцев,
Подавшихся поближе к Солнцу,
Не принимающих ни эту ночь,

Ни эти звезды
Влюбленных в Свет
И голубого Неба
Вольный Ветер.

- 3 -

Твой лев с твоим лицом
Болтает слишком много.
Все знают твой тотем,
Тотем единорога.

Мой ангел алфавита
Грешит неполнотой,
Но все, что им забыто,
Хранит и наш покой.

Расплющенный иероглиф
Украсит твой ковчег.
Земле несет небесный бег
Подарок: баснословный миф.

Нежнейшие плоды
Тяжелого труда
Во рту растут,
Утоляя голод.

Но мало кто знаком
С другой работой,
Злом песчаных дней,
Стеклом таинственного груза.

Там продвигается тяжелым шагом караван
За солнечную дверь востока.
В предчувствии земли обетованной он
Уступит северным морям свободный шлюз.

Юпитер – прав, в который раз
Марс стал опять бессильно красен.
Война – забава для египетских зверей,
И результат войны богам не очень ясен.

Там наступает время для письма.
По звездам вычисляют сонные жрецы
Свои технологические сроки,
Но есть и те, кому в Египте не до сна.

Предчувствуя иные формы
Новой жизни и свободы,
Проснулась ночью фея солнечного дня,
Еврея удлинняя годы.

Многоречив пророк, но грех
Его отмечен в черных списках
Хранителями государства и закона:
Бедняга мнит, что он умнее фараона.

Луна все более грустит,
Когда ее ущерб заметен
Южному Кресту,
Но в будущее все же верит.

Пергамент сохранит
Ночные эти тексты,
Пока огонь свечей
Горит.

Венера думала о формах жизни
Для своих морей и океанов,
Хотела взять займы,
Но кое-что придумала умней.

Не так, как старшая ее подруга,
Земля, что все родит по кругу,
Не зная в этом ясной меры,
Свои материальные химеры.

Венера не любила
Подлости и полумеры,
И гордо объявила
Символ новой веры.

Когда одной душе
Нужна душа другая,
Чужая воля может
Уступить.

Для этого
Достаточно
На самом деле
Кого-нибудь любить.

В природе невозможно отыскать
Два одинаковых предмета,
Но, чтобы сходство между ними знать,
Не следует бояться Света.

И Фазтон последний друг холодного Урана
Сказал комете, покидающей последний круг -
Я вызываю боль и причиняю раны,
Но для тебя, запомни, я, как прежде, друг.

Мой мир не принимает чистые идеи,
Осколки обмельчавшей веры.
И молодой Земле, а не состарившейся Гее,
Мы сообщим, где и когда применим меры.

Наш друг Сатурн Луне проблему объяснит
И зафиксирует ее магнитный взгляд
На островах с веселыми детьми,
Наследующими веселый древний сад.

- 6 -

Мой жребий:
Слышать голоса.
Мой южный крест: холодного
Огня далекая свобода.

Мои колодцы:
На границах четырех пустынь
Хранят на дне своем
Ушедших рас забытые святыни.

Быть может здесь душа моя
Переживет тысячелетний вихрь беды.
И уцелеет плоти кость
Для будущего воскресенья.

Часть целого сильнее,
Если часть свободна от греха.
Нил лишь река,
Есть реки и озера в Галилее.

Смеется тихо старая Луна над суетой,
А дальние ее друзья смеются зло.
И если кто-то мне закроет рот мой,
Смех и шутку оборвет...

Я Богу моему молитву направляю.
Он эти пирамиды и кресты сожжет.
Но то, что вечности я посвящаю
Меня переживет ...

Последнее стихотворение в Израиле

Я так устал
От спецификаций
За год,
Что проснулся,
И рад был
Этому сентябрьскому дню.

И с утра хотел
Сочинять стихи,
И бродил по улицам,
Узнавая места, где
Происходили
Со мной невеселые вещи.

Телефонный звонок
В кармане напомнил
Где и что, но
Я не понимал
Убогий язык
Библейских чудес.

И верил, что не случаен
Каждый мой ход,
Но начал чаще молчать,
Вспоминая бывшее,
Не находя повод
Продолжать.

Ибо все мои речи
Скорбный салат,
И не стоят того,
Чтобы повторяли
Эти речи станков
Обороты.

Но сентябрьский день
Говорил мне другое,
Что найдется особенный час,
Когда уши поймут,
И без помощи книг
Станет больно.

Черепашьи года
Обгонят тигриные дни,
Недосказанным смыслом,
На пьяном затылке
Выступят
Потом.

Там обрывки
Невыученных языков
Не построятся
В песенный ряд,
И утешенье лишь
Яблочный запах.

А сейчас
Я вернусь,
Просыпаясь,
К играм машинным,
Не догонит опять
Облако кайфа.

Снился мне
Черный патруль,
И убитый мной ангел
Шептал: поведи за леса и моря,
Разними, разними
Нас, сентябрь.

Никогда не храни
Черный ворох своих голосов,
Лучше пьяная блажь,
От границы и до границы,
И потребность в вине,
И потребность в оргазме.

Побываешь в раю,
Скажешь вслух
Как ты счастлив
На рош-а-шана,
Без наркотиков,
Без пропаганды.

Выбивает из колеи,
Сбрасывает с карусели
Солнечный день,
Простой лист бумаги,
Не говоря о таинственных
Знаках дикарей.

Успокой свою душу,
Новостройки герой,
На мосту переброшенном
В старость юность твердой рукой
Разводит первомайский
Костер.

Будто долго найти строчку,
Долг найти рифму,
Для Пушкина осень,
Для Блока весна,
Мотиву уже сорок
Лет.

Монреаль

-1-

Святой Лаврентий, зря
Ты на решётке парился.
И Генуи мешок
С деньгами охранял.

Теперь здесь нет
Ни гор, ни короля,
Но христиан
Полным полно.

Никто их в этом городе
Не гонит
В клетку с тигром,
Поэтому слабеет дух.

Но вера только прибывает.
И делегаты православного конгресса
В Sainte-Adele¹ всю ночь шумят,
Мешают мне заснуть.

-2-

Китайцев мало,
И собачки мелкие,
Как тараканы
В Saint-Sauveur¹.

Я вспоминал «Ёк-Макарёк»².
С «Деменцией»³ я пиво дул
Когда-то в частном
Видеосалоне.

Во сне dreamcatcher⁴
Ловит чёрт его, что знает,
То косяк от Беломорканала,
То осетинские усы.

Но если выкурить
Хороший joint⁵,
Приснится мавзолей
И павильон ВДНХ.

-3-

Дорога беженцев,
Точнее, Highway,
Пересекает весь Квебек,
Не любят англичан французы,

Но вместе недолюбливают
Ирокезов, за то, что их кресты
Они топили в реках,
Пока менталитет

Не стал мультикультурным,
И наш фотограф полюбил гусей,
Индейских женщин
И больших китов.

Какие-то периоды и фазы
В люках моего сознания,
То «хи-хи-хи», то «ха-ха-ха».
Змея Цензура ничего не помнит.

-4 -

Я в Mont-Tremblant ¹, шатаясь,
Проломил почти
Канадский щит,
В грехах своих не каюсь.

В грехе предательства
Сирийско-африканского разлома.
Хотя шаги мои тихи,
Меня припоминают.

На мелких кухнях
Всех больших столиц
Сибири и Урала,
И на схирутах⁶ Тель-Авива.

В отеле «Queen Elizabeth»
Я заказал бы свой Bed-In⁷,
Но там — смешно им
То, что я ещё один поэт.

-5-

Кленовый сок
Не масло.
Блин становится
Нерусским.

Я в Монреале пью сухой Chablis⁸,
А не какой-нибудь
Портвейн за два рубля,
И мой земной окончен путь.

Примечания

1. Sainte-Adele, Saint-Sauveur, Mont-Tremblant – французские название городов в провинции Квебек.

2. Автор песни «Ёк-Макарёк» – Сергей Иванович Гневкин (Сова, Метельщик) - первый директор «КМ» (с 1986 г. - по апрель 1988 г.), вдохновитель и организатор. Костюмер и портной, волшебник и мистификатор.

3. Некто «Деменция» из этой же компании. Мы втроём пили пиво из трёхлитровых банок в видеосалоне на улице Русской в Новосибирске.

4. Dreamcatcher – Ловец снов – индейский талисман, защищает спящего от злых духов. Плохие сны запутываются в паутине, а хорошие проскальзывают сквозь отверстие в середине. Представляет собой паутину из суровых ниток и оленьих жил, натянутых на круг из ивовых ветвей; также на нитке вплетают несколько перьев. Вешают над изголовьем спящего.

5. Joint – Джойнт – самокрутка с марихуаной, изготовленная из специальной сигаретной бумаги. Является самым распространенным прибором для курения марихуаны в странах Западной Европы и Америки.

6. Схирут (иврит) - аренда, квартира в аренду.

7. Bed-In – во время войны во Вьетнаме в 1969 Джон Леннон и Йоко Оно устроили двухнедельный «Bed-In for Peace» в Амстердаме и Монреале, что являлось ненасильственной формой протеста и содействия в борьбе за мир. В конце акции 26 мая они вылетели в Монреаль и остановились в комнатах 1738, 1740, 1742 и 1744 в отеле «Queen Elizabeth».

8. Chablis – Шабли, сортвина.

Моя земная паранойя

Моя земная паранойя
Испепеляет неземное.

И в ожидании душевного покоя
Я расправляюсь и со всеми
И с самим собою.

Моя земная паранойя
Испепелила все земное.

Я поведу Вас за собою.
Туда, где Небо жаркое и злое,
Где медленно умрут мои герои.

Там героическая леди,
Смеясь, чтоб слышали соседи,
Кроила модные модели,
Не говоря о настоящей цели.

Ее герой блокады Ленинграда,
Кому вся жизнь его
Одна малина сладкая
И долгожданная награда,

Затеял как-то спор со мной,
О том, что если правильно прочесть Вольтера,
То будет легче совладать с судьбой.

Но сочинения другого сорта
Начал я читать,
И пострадала в результате
Моя Сознательная Ноосфера,

Увы !
Хотя... как знать...
Быть может и...
Ура !

Моя земная паранойя
Испепелила неземное.

И там, где небо жаркое и злое
Теперь живут мои герои.

Моя земная паранойя
Испепеляет все земное.

Я позову вас за собой,
Туда, где умирают гои.

Я знаю, Бог Израиля тебе милей,
Чем идол Азии, лукавый Будда.
Зачем зовешь меня ты за собой,
Мой христианский поп?

Что может быть правдивее,
Чем твой земной высокий сан?

Но уху моему услышать веселее
Игривый звук
Любимой мантры.

И формулу заветного коана.
Мой глаз охоч до черноты
Прямоугольного окна
В сознание художника.

И брата
Моего ...

Хочу коснуться там
Его мечты.

Герой давно уснул,
Он спит на почве чистой совести,
И отшлифованной морали,
Но ждут его другие вести.

Они идут.
Как Чингис-Хан, Наполеон и Гитлер.
Они бодрят и освежают моего богатыря.
Пророки иногда не лгут.

Но сон героя охраняет
Всех тех, кто им любим.
И может быть они, его друзья, и
Не умрут.

Число зверя

Мне ничего не нужно
Кроме того что я имею уже
В поле игры также вложен
Мой импульс
Энергии хватило бы нескольким Казановам
Мне снятся колесница Арджуны
И дружеские отношения с Верховным Божеством
Но это только лишь
Сон и видение души
Отторгаемой ненадолго от тела

А тело хочет быть сильным здоровым счастливым
Сытым земным существом
И иметь здоровые зубы и острое зрение и тонкий слух
Чтобы искренне восторгаться
Гастрономическими деликатесами
И шедеврами живописи
Слышать фортепианные эксерсизы Моцарта
И шум экспериментального авангарда
И верить наивно всякой ученой сволочи
Верить в свою собственную ложь

Теперь я хочу лишь посмотреть на толпу
Наблюдать лица и жесты
Мне не нужно ничего
Только лишь постараться запомнить
Что я был здесь вместе со всеми
Что я был допущен к игре
И по правилам получил то же
Что и все получили
Похмелье от массы выпитого пива
И пустоту мочевого пузыря
Тепло зимой и прохладу летом
Шелк кожи партнера по сексу
Ветер весны радость куска
Все это мои ощущения
Чувства и мысли

Мне ничего не нужно
Кроме того что уже есть
Кроме того что уже мне дала
Синергетика коллектива
Энергия соцсоревнования
И меня вовлекала в эти процессы

Я каждый день шагал на работу
И платил в профсоюзную кассу
И возвращался в исходный пункт
В никуда и в ничто
Отличное место для восстановления
Ресурсов внутренних ощущений
О чем мне рассказано было
Лучше кого-либо Кафкой

И жизнь животных мне была бы
Близка и понятна лучше чем
Нормативная любовь человека
Но я иногда слышу органнне мессы Баха
И хор в церкви убогой
И думать начинаю иначе
Может быть эти люди способны
Построить мечту умного Маркса
Где-нибудь в Северных Штатах
Жалком подобии горного мира
Где-то на сытой родине Клинтона
Героя войны двадцатого века

Чувство вины переходит упорно
В чувство стойкого гнева
Что же это такое
Когда ты готов присягать любому фюреру
Каждый раз снова
Чтобы иметь возможность продолжать
Свои занятия бизнесом
И ты ищешь женщин
Не столько для любви
Сколько для родов детей
Чтобы приумножить легионы
Для новой холодной войны
Обеспеченных янкиобразных

Социум и счастье совместимы
Престиж программируется
Ими самими
Если сказка становится явью
То я умирать не хочу
Я хочу посмотреть
Что же будет в трехзначной серии
Трехзначного телесериала
В котором стерва Элен всем ребятам
Подарит абсолютные презервативы

Кому мы нужны?

Маленький алый цветок
Что ты хочешь
Talk only talk

Прозекция трупов
Стихи подождут

Carrier тащит
Цимена цветет

Рекомендации рекомендации
References
Белые и черные шары
На ешкин кот
В золотую арфу
В кубышку редактора

Диалоги диалоги
Открытый ум
Теплое сердце
Food

Америки spirit
За газ
Платить кассиру вперед

Активность facebook
Последний друг на
Youtube
Моя критикесса
На Волге реке

No kill policy
Социальный прогресс

Машина перевернулась пять раз
Но мозги остались океу

70 миль лимит
На мостике ледяном

Carrier тащит на highway
В Бхактиведанты музей
Флайер в Miami
Брошюра в LA

Душевное одиночество разменял
На стресс и скуку 21 века

Определение дал
Советского человека
Это тот, кто не изменился

Jesus of the planet and the stars

Эксперименты в Соловках
И в Освенцимах
Доносы режиму

Жириновского сперма
В генетическом центре

Мечта мечта
Не только mortgage
Но чуть чуть newage
Мечта в кредит
План на три года

Три года финансовой
Безопасности
Ну не будет функций
Коммуникации
Будет только защита
Твоей безопасности
Что за fuck? Кого защищать?

Для человека
Хозяина собаки и кошки
Папка с друзьями
My Pets

Flower Power
Ангелов танец divine

Давайте общаться, говорить,
Дарить цветы и открытки
С цветами

Кому мы нужны?

Свободной Франции душа

Свободной Франции душа
В арабских опиумных ласках,
В притонах, в танцах, в сказках,
Да и в провинции Шампань
Не обнаружила веселье,
Эксперты были дрянь.

Французский дух, помощник галлов,
Арабам местным разрешил
Провинции своей страны взломать
На части, камеры, на клетки, и на жилах,
На ремнях, в подвале и в карете
Убить ростовщика.

Российский Александр, полуорел,
Хотя и выиграл войну,
Хотя героем слыл 12-го года,
Российскую Наташу заколол ножом,
А в жены взял какую-то немецкую кухарку,
Раскрывать какие-то дела.

И все, что позже там произошло,
Шарманщик полюбил снимать в кино,
Крутил на студии ссср совок,
И запрещал крутить рулетку,
И торговал какое-то крепленное вино
Под небесами в клетку.

Ни то гвардейского порыва,
Ни то партийного развала
Не выдержала полудура, стала
На праздниках кричать ура! ура! ура!
И папины остроты и цитаты
Бросала в лицо врага.

Немецким ребятам вопрос: как же так?
Что? Жизнь заместитель серьезной игры.
Если война, и в русское вольное поле
Нагрянет крестный ход марсиан, то как
Том Сойеру, открыть подзаборное дело,
И черным белить красную дверь?
Я и сам в трамвайной сети
Города N весной веслом статуи
Железнодорожной архитектуры

Таранил речную шугу.
Вену руки перекраивал в розу,
Висячую позу.

Я и в чистом поле
Расстилал золотую постелю.
За портвейном бегал из дома.
Рано, рано умирать молодому.
Как нирвана, мой томат
В кармане потел.

Твой космический тигль, ай люли,
Зверю дикому непереваренный кус.
В соке берез накопился привкус
Владыки, а владыки Всея Руси
Живого холопа закопали в могилу.
Это легкая форма звезд и земли.

Да и я. И со мной русский поэт, мы
Взлетим на тройке на русский тройчак.
В грот Нибелунгов. В сады Атлантиды.
На челноке Ермака, ну на север грести.
Ну свистеть и орать, да могилу Ивану
Копать на берегу чернявой царской кости.

Распаленная вьюгой и югом,
Королевская рота ну ворчать,
Гнать арапа, холопа на работу,
На берегу океана в шкуру тугую
Стучать. У изразцовых печей
Орда палачей ну мечтать.

В зеркале Лика во сне видят
Сундуки серебра. Собственность
Хая, еврея. Стыдно сказать, стервеня.
Мамин подарок, старая кукла, нужней
В походе в пещеру короля
Зазеркального подземелья.

Будто бы новая крыша мира
Стала расти на Памире.
А, стыдно признаться, в Сибири
Певец и певица захотели
Просто влюбиться и умереть
На концерте в квартире.

Да и сам я. Как Матросов перед танком
Думал. А зачем? И, темнея, найти хотел
Нужное слово - да или три раза нет,
Ян или Иннея, а потом, стервенея,
Свет Кулибина отключал и топором
Мересьева вырубал стихотворенье.

Да я, и в могиле великих оркестров хотел,
Оперу булькать в ушах, помолясь ученым
Зверушкам мышке, котейке, шакалу,
Сквозь пластину слюды солнце по веку
Размазать. Сообщить письмом
Обо всем в британский музей.

Святым вербным ветрам не помеха весной
Гарь болота. Драгоценная тайная жизнь.
Глаза прогалин, проталин открыты.
Возвращайся тихонько домой.
Я шагаю по шпалам.
Рельсы. Колокола.

Место, где хочешь сыграть,
Обозначь словом друзья.
Несмотря на усталость, скоморох
Вспомнит самую малость, писк комара
Примет за ангельский хор.
Синие швы вместо губ на пьедестале труб.

Где же ты?
Я топорами так горько
Рубил мое вдохновение в стужу.
Я кричал, пионер, скоморох,
Уходи! уходи! уходи!
Будет все только хуже и хуже.

Недомогание

Иногда социально
Тебя дестабилизируют.
Ком ненависти в районе
Древней птичьей трахеи
Вызывает временное
Помрачение, нелюбовь,
Бесполезное социальное
Переживание, нежелание
Радоваться милым фактам,
Очаровательным мелочам.

Подписанию ордера.
Порханию бабочек.
Стрижке собаки.
Шпилькам в дела
Рыжего Гейтса.

Может перейти
Легкое недомогание
В настоящее одержание,
Если, как надо, не навестишь
Раввина, попа, медика
Или редактора твоей жизни
Некого толка.

Помни, что ты не один.
Вас легион в большом
Саду городском, там
Где сервис налажен.

Тело

Камни запели.
Ворон стал белым.
Голуби посерели.
Калека уехал целым.
Жизнь проиграли аргонавты.
И руно тоже. В карты.

Хорошее это дело,
В тяжелые времена
Беспредела так
Любить свое тело.

Бронепоезд продан.
Раздолбал все шпалы.
В номерах удовольствия мало.
Говорящий скворец надорвался.
Перекупщик со свитками
Исписался.

В такие тяжелые трудные
Времена беспредела,
О, хорошее это дело,
Любить свое тело.

Самсон не подстригся,
Но медленно спился.
Перевоплотился.
Застраховался, чтоб
Полюбить сильнее, сильнее
В этой стране свой гроб.

Любить свое тело?
О, да, это славное дело
В зоне товарищеского
Суда и беспредела.

Русская Эволюция

Мир как воля.
Куликово поле.
Вечные перемены.
Хромосомы и гены.

Изнуренный рок.
Истощенный Блок.
Харизматические соблазны.
Сопротивление протоплазмы.

Освященные яства.
Парадоксы богатства.
Опровержение людоедства.
Потерянное счастливое детство.

Воскресение плоти.
Тургенев на охоте.
Маковки золотые.
Убогие святые.

Степи, мороз.
Венчики роз.
Петли и пули.
Нули.

Бессловесное эго

Культы святых. Корни опор.
Эмансипация кровосмешения.
Алфавиты машин. Эрозия гор.
Осязание для размножения.

Все пройдет. Все грядет.
Вниз к реке. В океан.

Каждую тысячу лет
Бесы крадутся к свечам.
Бессловесное эго
Жует свое вечное.

Все пройдет. Все грядет.
Вниз к реке. В океан.

Мерное наше дыхание
Между рождением и смертью
Определит форму крыльев
Космических птиц.

Все пройдет. Все грядет.
Вниз к реке. В океан.

Содержание

Определение счастья	6
Удар	7
На магнитном полюсе	8
Знает душа закон святой	9
Детства кристаллы	10
Шлак.....	11
Вулканический пепел моих сигарет	12
Крест	13
Пепел	16
Среди осколков христианской любви	18
Алхимик	19
Транквилизатор	20
От Неаполя и до Турина	21
Chichen Itza	23
Итака	24
Мои физические раны	25
Сходство	26
Остроухий брат	27
Алый цветок	28
По правилам, которые придуманы не мной	29
Когти слов недостаточно цепки	30
Размышляя спокойно	31
Я - змея	32
Ода Валериану	33
Благонадежность Козерога	34
Смерть Козерога	39
Снайпер	43

Оборотень	44
Анна Иванова	45
Фотофилия	46
Астральный капитан	47
Смерть астрального капитана	49
Египет	52
Последнее стихотворение в Израиле	57
Монреаль	60
Моя земная паранойя	63
Число зверя	65
Кому мы нужны?	67
Свободной Франции душа	69
Недомогание	72
Тело	73
Русская Эволюция	74
Бессловесное эго	75

Сергей Земцов- автор книг стихотворений и прозы.
Живёт в Торонто, Онтарио, Канада.
Родился в городе Сталинске, Кемеровской области.
Образование: Уральский университет им. Горького, матмех.
Работа: инженер-программист.
Член союза творческих работников Израиля с 1999 года.
Главный редактор альманаха «Литературная Канада»
с 2015 года.

